DOI 10.24249/2309-9917-2026-75-1-53-59

К.А. Бородин (Якутск, Россия)

Похоронно-поминальная обрядность русских старожилов Якутии и Забайкалья (на материале языка и культуры потомков ямщиков и семейских старообрядцев)

Аннотация: Статья посвящена ключевому аспекту жизни, похоронно-поминальному обряду и отношению к смерти на материале языка и культуры двух старожильческих групп Якутии и Забайкалья – потомков государевых ямщиков и семейских старообрядцев. Обе старожильческие группы являются носителями вторичного диалекта, территориального варианта русского языка. Ямщики и старообрядцы долгое время жили в обособленных условиях, в неродственной языковой и религиозной обстановке. Соседями старообрядцев были буряты, исповедующие буддизм и шаманизм, и эвенки, являющиеся язычниками, а у ямщиков – язычники якуты и эвенки. Язык и похоронно-поминальная культура якутов и эвенков оказали большое влияние на ямщиков, в силу чего русский язык на долгое время был вытеснен из ряда родного у данной этносоциальной группы. По части обряда ямщики также переняли языческие взгляды на смерть. До сих пор якутский язык активно используется потомками государевых ямщиков в быту. В то же время ортодоксальный уклад жизни семейских старообрядцев не позволял до периода борьбы с безграмотностью среди населения и глобализацией вытеснить архаичный вариант русского языка. Но сегодня можно услышать в определенных районах компактного проживания семейских старообрядцев в Забайкалье и Бурятии сохранившуюся диалектную речь. В случае с указанным в статье селом Доно можно сказать, что диалект утратился на территории села. Религиозность представителей данной этносоциальной группы сохраняется до сих пор. Одним из ключевых факторов сохранения ортодоксальных взглядов среди старообрядцев является Церковь староверов села Доно и разделение сельских кладбищ на никоновское и дониконовское. В ходе полевых работ, по результатам сравнительно-сопоставительного анализа, было выявлено, что тема смерти у потомков государевых ямщиков носит табуированных характер, похоронно-поминальный обряд наличествует действиями, носящими суеверную подоплеку и языческую основу. Отношение к смерти у семейских старообрядцев спокойное, подготовка к похоронному процессу начинается еще при жизни у представителей данной старожильческой группы.

Ключевые слова: семейские старообрядцы, потомки государевых ямщиков, старожилы, похоронно-поминальный обряд, диалект, религия

K.A. Borodin (Yakutsk, Russia)

Funeral and Memorial Rites of the Russian Old-Timers of Yakutia and Transbaikalia (based on the language and culture of the descendants of coachmen and Semeiskie Old Believers)

Abstract: This article explores a key aspect of life, funeral and memorial rites, and attitudes toward death, using the language and culture of two Old Believer groups in Yakutia and Transbaikalia – descendants of the Tsar's coachmen and the Semeiskie Old Believers. Both Old Believer groups speak a secondary dialect, a territorial variant of the Russian language. The coachmen and Old Believers long lived in isolated conditions, with unrelated linguistic and religious backgrounds. The Old Believers' neighbors were the Buryats, who practiced Buddhism and shamanism, and the Evenki, who were pagans. The coachmen's neighbors were the pagan Yakuts and Evenki. The language and funeral and memorial culture of the Yakuts and Evenki greatly influenced the coachmen, leading to the long-distance displacement of Russian as the native language of this ethnosocial group. In terms of ritual, the coachmen also adopted pagan views on death. To this day, the Yakut language is actively used by the descendants of the Tsar's coachmen in everyday life. At the same time, the orthodox way of life of the Semeisk Old Believers prevented them from replacing the archaic version of Russian until the era of illiteracy and globalization. However, today, a surviving dialect can be heard in certain areas where Semeisk Old Believers live in compact settlements in Transbaikalia and Buryatia. In the case of the village of Dono mentioned in the article, it can be said that the dialect has been lost within the village. The religiosity of this ethnosocial group remains strong. One of the key factors in preserving orthodox views among the Old Believers is the Old Believer Church in Dono and the division of the village cemeteries into Nikon and pre-Nikon cemeteries. During fieldwork, a comparative analysis revealed that the topic of death is taboo among the descendants of the Tsar's coachmen, and funeral and memorial rites include actions with superstitious undertones and pagan roots. The Semeiskie Old Believers have a relaxed attitude toward death, and preparation for the funeral process begins while they are still alive.

Key words: Semeiskie Old Believers, descendants of the Tsar's coachmen, old-timers, funeral and memorial rites, dialect, religion

ВВЕДЕНИЕ

Наше исследование посвящено похоронному обряду старожилов Якутии и Забайкалья – потомков государевых ямщиков Хангаласского улуса Республики Саха и староверов села Доно Калганского района Забайкальского края. Похоронно-поминальный обряд является очень важной частью культуры любого народа, несущей в себе стародавние традиции, уходящие в глубь веков, и в силу этого вызывающий особый интерес исследователей.

В Якутии вопросом похоронно-поминального обряда занимались И.И. Кузнецов, Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, Р.И. Бравина, но их исследования сконцентрированы на культуре народа саха и коренных малочисленных народах Севера. Похоронно-поминальный обряд потомков государевых ямщиков не изучался прежде в силу ряда факторов, к основным из которых относятся субэтническая культура ямщиков, табуированность вопроса у данной народности и проблема самоиден-

тификации ее представителей. Чаще ямщики относили себя к представителям народа саха, но внешние характеристики и происхождение свидетельствовали об их исторической принадлежности к русскому народу. У семейских старообрядцев традиции изучала А.В. Анисимова. Вопрос о смерти не является табуированным у семейских, поэтому в период глобализации изучению этого материала не препятствует мировоззрение данной группы. Однако обращаются к вышеуказанной теме не многие исследователи.

В 2025 г. нами были проведены полевые работы по сбору диалектного материала и фиксации культурных особенностей в местах компактного проживания потомков государевых ямщиков и семейских старообрядцев, во время которых мы изучили особенности кладбищ двух старожильческих групп, описанных в нижеследующем анализе.

Сегодня Республика Саха официально признает два государственных языка: русский и саха. Это означает, что оба языка используются в официальных документах, образовании, средствах массовой информации и повседневной коммуникации. Официальными признаются эвенский, эвенкийский, долганский, юкагирский и чукотский в местах компактного проживания носителей данных языков.

В Забайкальском крае, несмотря на доминирование русского языка, сохраняется традиционное использование местных языков коренных народов, таких как бурятский и эвенкийский.

Диалекты русских старожилов Якутии и Забайкалья являются вторичными и имеют особенности как северного великорусского, так и южного великорусского говоров. Уникальный случаем является речевая ситуация потомков государевых ямщиков, у которых на разных исторических этапах в качестве родного языка признавался русский или якутский.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРЯДА

Потомки государевых ямщиков – небольшой субэтнос, выросший из сословно-профессиональной группы ямщиков, обслуживавших Якутско-Иркутский тракт, и их семей. Будучи русскими по происхождению, они быстро усвоили якутский язык как родной, однако продолжали сохранять русские песенные традиции, быт, а самое главное – православную веру. Именно православие стало основой идентичности этой субэтнической группы (https://yakutsk.mid.ru/ru/press-centre/news/film_o_yakutskikh_potomkakh_gosudarevykh_yamshchikov_pokazali_v_moskve/). Потомки государевых ямщиков живут в ряде улусов, простирающихся вдоль бывшего Якутско-Иркутского тракта. Наше исследование затрагивает тех ямщиков, что ныне проживают в Хангаласском улусе РС(Я).

Семейские являются старообрядцами, которых правительство Российской империи выслало в XVIII в. в Забайкалье при разделе Речи Посполитой (Польши) между Российской империей, Пруссией и Австрийской империей. Семейских переселяли несколько раз с 1735 по 1795 г. (https://www.chita.ru/text/society/2019/08/22/71117153/). Семейские старообрядцы проживают на самых разных территориях: от регионов России до некоторых стран мира. Это и Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморье, Австралия, Китай. Мы вели полевые работы в забайкальском селе Доно с представителями семейских старообрядцев, утративших в повседневной речи диалект, являющийся вторичным у данной этносоциальной группы. Однако мы ссылались на диалектизмы, собранные в словаре

Т.Б. Юмсуновой, где отражены говоры сел с компактным проживанием семейских и Бурятии и Забайкальского края [Юмсунова 1999].

История села Доно начинается в первой половине XVIII в. В исторических хрониках говорится, что здесь осели бежавшие от церковной реформы староверы и ссыльные участники восстания Емельяна Пугачева. В 1745 г. здесь открыли Донинский (или, как его еще называли, Никольский) прииск, а в нескольких километрах от них, за горой, было поселение тунгусов. Со временем село разрослось до 500 домов, 19 мельниц на речках, двух школ и пяти купеческих лавок. Построили здесь и две церкви – по одной на каждую веру (https://dzen.ru/a/YDC7EnVu-6zHwuUs9?ysclid=mj9vz47r538294).

Между представителями дониконовской православной традиции и никоновской часто случались конфронтации, и семейским приходилось заниматься религиозными делами в потаенных местах. Но и со стороны семейских были различного рода притеснения «никоновцев». К примеру, староверы могли не впускать их в церковь.

В обоих случаях русские старожильческие группы находились в окружении коренных народов Сибири: ямщики – среди саха и эвенков, староверы – среди бурят и эвенков. Но семейские сохранили русскую речь и до настоящего времени в архаичной форме, а потомки государевых ямщиков подверглись языковой ассимиляции и до середины XX в. родным языком считали якутский. Данная разница обусловлена рядом факторов. Староверы ведут ортодоксальный религиозный образ жизни. Ямщики выполняли социально предписанные задачи. Как раз конкретная социальная роль, направленная на активное речевое взаимодействие с местным населением, является основной причиной возникновения языковой ассимиляции. Но не стоит забывать, что староверы вели совместную хозяйственную деятельность с бурятами и эвенками и до сих пор находятся в добрососедских отношениях с указанными народами. Культурное влияние, связанное с похоронным обрядом, не переняли семейские от бурят и эвенков – это вновь говорит об ортодоксальном характере устоев семейской жизни. Бурятский буддизм и эвенкийское язычество оказались чуждыми для русских старожилов. Ямщики сохранили православие никоновского характера, но вобрали определенные ритуалы захоронения покойников и действия постпохоронного процесса в свою культуру.

Мы посетили два кладбища села Доно, где обнаружили определенные особенности. Кладбище староверов имеет исключительно восьмиконечные деревянные кресты на могилах. На крестах, как правило, «выцарапанные» ФИО покойного и фраза: «Здесь похоронен / похоронена». На одной из могил было замечено: «Сдесь похоронена». В «Этимологическом онлайн-словаре русского языка» А.В. Семенова (https://1792.slovaronline.com/?ysclid=mj9v90gvb0976178630) говорится, что слово «здесь» берет свое начало от древнерусского «сьдесе». Слово «здесь» происходит от праславянского «sьde», которое образовано от местоимения «sь» (сей) путем присоединения форманта «-de». Связь с древнерусским языком заключается в том, что от праславянского «sьde» произошли древнерусские формы: «сьде», «сдѣ» и «сьдесе». Слово «сьдесе» встречается в летописных источниках с XIV в. Таким образом, слово «здесь» претерпело изменения: «сьде» – «сьдессе» – «сьдесь» – «здесь». Можно полагать, что отмеченный пример является промежуточным звеном между «сьдесь» и «здесь», но сложно утверждать это с определенностью, так как слово это есть только на одном надгробном кресте обозначенного кладбища.

Как показал опрос местных жителей, семейские села Доно даже в быту перестали использовать диалект. Однако прямо противоположную ситуацию мы отметили в ходе экспедиции лета 2024 г. в села Красночикойского района Забайкальского края и села Тарбагатайского и Мухоршибирского районов Республики Бурятия, где проживают старообрядцы. Там ситуация с диалектом обстоит намного лучше в силу развития туризма и проведения тематических мероприятий местными властями. Как было сказано доновцами в ходе опросов лета 2025 г., село Доно неизвестно многим жителям Забайкальского края и за его пределами, не знают они и об уникальной церкви села Доно.

В ходе разговора с адептом дониконовской церковной традиции Козловым Николаем Прокопьевичем мы обнаружили несколько специфических слов: обливанцы ‘православные никоновской традиции’, Радóница вместо Рáдоницы, смерётная одёжа ‘одежда, готовящаяся при жизни для упокоения’, что говорит о некоторых орфоэпических и лексических отличиях от литературной языковой нормы у этой этносоциальной группы.

Смерётная одёжа – атрибут похоронного обряда, который очень четко отражает отношение староверов к смерти.

В словаре говоров семейских старообрядцев указаны такие примеры к статье «смерётная одёжа»:

Мне уши гадоф-та многа, у миня смирётная адёжа лижыть, в ей и пахаронють (Иннок., Киж.). – Сначала адивають ф смирётную адёжу. штоп фсё была белинька, чистинька, а патом саванам накрывають (Бич., Бич.). – Старухи зарании сабирають (Б. Кун., Тарб.).

Характерной особенностью отношения к усопшему у потомков государевых ямщиков является забывание навещать могилу после похорон, в то же время семейские старообрядцы могут приходить на кладбище не только в день поминовения усопшего, но и в любое другое время [Юмсунова 1999: 436].

Перед входом на кладбище семейские крестятся «двумя перстами» и произносят молитву.

Стоит отметить, что потомки государевых ямщиков переняли от якутского народа не только язык, которым активно пользовались вплоть до XX в., а в некоторых местах и до сего дня, но и традиции, связанные с похоронным обрядом. Например, уходя с кладбища, потомки государевых ямщиков бьют себя по плечам ветками березы, чтобы некая сущность не «зацепилась» за их плечи, не села на спину. Совершив сам погребальный обряд, потомки государевых ямщиков зажигают можжевельник. Его дым должен очистить каждого, кто был на кладбище, от нечистой силы. Это используется, как пояснили потомки государевых ямщиков, и в качестве антисептической функции. Окуривание травами – обряд, который можно заметить у народа саха и эвенков. Он жив и поныне. Например, у эвенков обряд проходит на празднике Бакалдын, что, как мы можем отметить, не привязано к похоронно-поминальному обряду, но несет очищение.

Если говорить о суевериях староверов села Доно, то ничего подобного мы не отметили. Староверы ведут ортодоксальный образ жизни и по сей день, поэтому суеверия не наложили отпечаток на их жизненный уклад. В данной ситуации – на похоронно-поминальный обряд. Как мы выяснили в ходе интервью со старовером, приверженцы дониконовских реформ не верят и в Домового. Хотя, по словам того же информанта – старовера Козлова Николая, старшее поколение спокойно относится к увлечению молодежи гаданиями во время Святок. Это, как

считают старшие представители староверов, проявление «буйства» молодых, что позже искоренится. Однако без знания молитв и церковных канонов староверов крестить молодых людей не могут: им будет отказано, и такие прецеденты, как отметил Козлов Николай, в селе Доно были.

Церковь староверов села Доно является уникальным историческим наследием религии, сохранившимся в дониконовском обличии. Мы посетили церковь и нашли ряд существенных отличий от церквей никоновской традиции. Прежде всего, это наличие только деревянных икон. Староверы не носят распятий. Их кресты различаются по половому и возрастному признакам: кресты для женщин, мужчин, детей и взрослых. Женские кресты имеют узорчатое обрамление, мужские более лаконичные, детские меньше в размере. Купола в церкви отсутствуют, так как были увезены на нужды Красной армии в период Великой Отечественной войны. Что является парадоксальным, так это благополучное существование церкви в советское время. Староверам было разрешено содержать церковь: она не пострадала с момента основания, исключая деформаций, связанных с обветшалостью, а также не была использована в иных целях, например как склад для продовольствия и т. д. Внутри церкви хранятся книги, созданные много веков назад; некоторые датируются XVII в.

Согласно исторической справке, составленной инспектором Центра по сохранению историко-культурного наследия С.В. Кудрявцевым: «Церковь св. Николы, епископа Мирликийского Чудотворца, в селе Доно, Калганского района (Александрово-Заводского уезда), со времени постройки (середины XIX столетия) и до закрытия ее в 1981 году, находилась в ведении Русской Православной Старообрядческой Церкви (Белокриницкая иерархия). В 1923 и 1924 г., в списках церквей Александрово-Заводского района значится Донинская старообрядческая церковь. В 1924 году настоятелем храма был о. Иоанн Емельяном. В 1984 г. имущество церкви (иконостас из 28 икон, 35 старопечатных церковных книг, более 60 разрозненных икон, иконы-складни, бронзовые кресты) было вывезено в Читинский художественный музей». Ныне церковь функционирует.

Что касается потомков государевых ямщиков, то их часовни являются, как правило, новоделом: они либо отреставрированы, либо построены потомками-энтузиастами.

Если сравнивать языковую ситуацию семейских села Доно и потомков государевых ямщиков, например села Синск, мы заметим трудности в воспроизведении диалекта как старшим, так и младшим поколением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, наше исследование является важным шагом в изучении темы похоронно-поминального обряда старожильческих групп Сибири и Арктики, ныне подверженных глобализации. Исследование помогает восстановить забытые компоненты изучаемого обряда, отметить уникальность двух субэтнических групп, сохранивших традиции или преобразовавших их в ходе симбиотических отношений с коренными народами.

ЛИТЕРАТУРА

Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.

Бравина Р.И. Олох. Дьылҕа. Өлүү. Якутск: Бичик, 2006. 208 с.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Юмсунова Т.Б. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999. 564 с.

REFERENCES

Bravina R.I. (2005) The Concept of Life and Death in the Culture of an Ethnic Group: Based on the traditions of the Sakha people. Novosibirsk. Nauka Publ. 307 p.

Bravina R.I. (2006) Olox. D`y`lҕa. Өlүү. Yakutsk. Bichik Publ. 208 p.

Bravina R.I., Popov V.V. (2008) Funeral and Memorial Rites of the Yakuts: Monuments and Traditions (15th–19th centuries). Novosibirsk. Nauka Publ. 296 p.

Yumsunova T.B. (1999) Dictionary of Old Believer Dialects (Semey) of Transbaikalia. Novosibirsk. 564 p.

Сведения об авторе:

Константин Алексеевич Бородин,
студент
филологический факультет
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

Konstantin A. Borodin,
Student
Faculty of Philology
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

bor0din.kost@yandex.ru